

Дядя Гиляй

или

Как мы всей кухней
отобедали у знатока
московских трактиров

Сергей Диковинный

Это была
тренировка

Москва
и Москвичи

Сергей Диковинный

**Дядя Гиляй, или Как мы
всей кухней отобедали у
знатока московских трактиров**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дядя Гиляй, или Как мы всей кухней отобедали у знатока
московских трактиров / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Лёха предложил пообедать с Гиляровским. Все сказали — бред. Все пошли. Москва конца девятнадцатого века. Вывески, трактиры, пролётки, шарманка. Человек с бородой и тростью, который умеет пальцами сгибать пятаки и удерживать экипаж за заднее колесо. И стол, на котором появляются холодная белуга, икра, расстегаи, раковый суп, селянка, поросёнок и байдаковский пирог в двенадцать ярусов. Новелла о том, что обед — это не когда едят, а когда помнят. И о человеке, который умел есть, работать и жить так, что его не забыли спустя сто лет.

Содержание

Глава 1. «А давайте пообедаем сГиляровским» — сказал Лёха, и все посмотрели на кнопку	5
Глава 2. Москва, дым, вывески и человек,который уже ждёт	7
Глава 3. «Эрмитаж», или Первый обед,который надолго	9
Глава 4. Гиляровский за работой, или Каксгибают подковы в хорошей компании	11
Глава 5. «Я сыт, я счастлив, я снова хочувашего борща», или Прощание с дядей Гиляем	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Диковинный

Дядя Гиляй, или Как мы всей кухней отобедали у знатока московских трактиров

Глава 1. «А давайте пообедаем с Гиляровским» — сказал Лёха, и все посмотрели на кнопку

Кухня. Вечер. Чайник. Остатки конфет. Лёха уже неделю что-то читал — никто не знал что. И вот он поднимает голову:

— А давайте пообедаем с Гиляровским.

Пауза.

— С кем? — переспрашивает Соня.

— С Владимиром Алексеевичем Гиляровским. Дядя Гиляй. Журналист, писатель, «король репортёров». Москва и москвичи. Тот самый человек, который знал все трактиры, все трущобы, все злачные места. Завсегда у «Эрмитажа».

— И зачем с ним обедать? — спрашивает Макс.

— Во-первых, — говорит Лёха торжественно, — потому что его обеды называли *лукулловыми*. В честь римского полководца Лукулла. За один обед на троих он мог отдать тридцать шесть рублей. При том что зарплата фабричного рабочего была четырнадцать рублей в месяц. Четырнадцать! А он оставлял тридцать шесть! За один раз!

— То есть, — говорит Егор, уже садясь за стол, — мы идём обедать с человеком, который тратил на еду больше, чем рабочий зарабатывал за два с половиной месяца.

— Именно, — подтверждает Лёха. — Плюс он был своим во всех московских ресторанах. Это, знаете, какая компетенция.

— Еда как профессия, — говорит Алиса задумчиво. — Мне нравится.

— И ещё, — добавляет Лёха, — он был физически сильный. Очень. Мог пальцами сгибать медные пятаки и серебряные рубли. Разгибать подковы. Завязывать узлом железную кочергу и потом выпрямлять её. Удерживать на бегу извозчичью пролётку вместе с лошастью за заднее колесо. Поднимать людей вместе с креслом.

— Ты это откуда знаешь? — спрашивает Соня.

— Мне Егор прислал, — говорит Лёха, тыча в него пальцем. — Вечером.

— Я *не*присылал, — говорит Егор.

— Присылал. Я видел.

— То есть, — говорит Макс, — ты предлагаешь нам отправиться в конец девятнадцатого века, найти человека, который может вырвать дерево с корнем, и сесть с ним за стол.

— Именно, — говорит Лёха.

— Зачем? — тихо спрашивает Соня.

— Затем, — говорит Лёха, — что это *единственная* возможность попробовать настоящую московскую трактирную кухню. Не ресторанную, не современную. А ту самую. С расстегаями в двенадцать ярусов.

— Двенадцать ярусов? — переспрашивает Алиса.

— Байдаковский пирог, — говорит Егор с явным удовольствием. — Огромная кулебяка. Слои налимьей печёнки, костяных мозгов в чёрном масле и ещё десяток слоёв. Гиляровский иногда заменял им расстегай.

— Мы идём, — говорит Алиса.

— Алиса, — говорит Соня.

— Мы идём, — повторяет Алиса.

Кот-мореход спускается с холодильника.

— Я слушал, — говорит он. — И я всё понял. Я иду *с вами*. Но не для того, чтобы есть. А для того, чтобы наблюдать. У меня есть подозрение, что это будет очень поучительно.

Лёха тянется к кнопке.

Кнопка на этот раз — необычная. Бронзовая, с гравировкой. Под ней табличка: «НЕ НАЖИМАТЬ. ДО ОБЕДА».

Лёха нажимает.

Глава 2. Москва, дым, вывески и человек, который уже ждёт

Они выныривают на улице. Москва конца девятнадцатого века. Шум, грохот, пролётки, лоточники, разносчики, запах — такой, что Алиса на секунду закрывает глаза. Пахнет керосином, дымом, свежей выпечкой, соляжкой, навозом, чем-то жареным, чем-то рыбным и — где-то в отдалении — хорошим табаком.

Вывески на каждом доме: «Трактир», «Полпивная», «Ренсковый погреб», «Пирожная». Огромные, золочёные, аляповатые. Где-то играет шарманка.

— Это Тверская? — спрашивает Соня, вглядываясь в вывески.

— Похоже, — говорит Егор. — Мы где-то ближе к центру. Смотрите вон — «Эрмитаж»? Нет, ещё не он. Но близко.

И тут они видят его.

Стоит у входа в трактир — крупный, осанистый, с широкими плечами и большой бородой. Лет сорока с небольшим. В косоворотке, под ремнём, в сапогах, с тростью в руке. И улы-

бается — всем корпусом, как умеют улыбаться только люди, которые ели утром расстегай и знают, что вечером будет ещё вкуснее.

— А! — говорит он, увидев их. — Пришли! Я вас ждал.

— Вы... — начинает Лёха.

— Гиляровский, — коротко говорит он. — Владимир Алексеевич. Дядя Гиляй, если хотите. Любезно предупреждён, что вы придёте. Не спрашивайте — я не знаю, откуда. У меня в этом городе свои способы.

Он оглядывает их всех — по очереди, внимательно, как настоящий репортёр.

— Хорошая компания, — говорит он. — Пятеро, все молодые, все с глазами. Это хорошо. Я люблю, когда глаза горят. А это что за существо?

— Кот-мореход, — коротко говорит Кот.

— Отлично, — говорит Гиляровский без малейшего удивления. — У меня в Москве знакомец был — кот, который любил слушать рассказы. Умный был. Ну что ж — идёмте.

И тут — Алиса замечает. Прямо на тротуаре, у одного из лотков, Гиляровский наклоняется, берёт с земли большую медную монету. Внимательно смотрит на неё. А потом — пальцами — сгибает её в дугу. Медленно, будто разминаясь.

Лёха втягивает воздух.

Гиляровский смотрит на него и говорит ровно:

— В гостиную. Не на улице. На улице не положено.

Глава 3. «Эрмитаж», или Первый обед, который надолго

«Эрмитаж» — это не столько ресторан, сколько *государство в государстве*. Огромные окна, гул голосов, официанты в белых рубашках, лакеи, картина на стене, ковры, длинные столы, шикарная посуда.

Гиляровский идёт впереди — уверенно, будто это его кабинет. Кланяется знакомым, кто-то жмёт ему руку, кто-то спрашивает «Вот как сегодня, Владимир Алексеевич?». Он отвечает коротко, дружелюбно, по-хозяйски.

— Здесь у меня свой стол, — говорит он. — И свой подход к заказу. Петя!

Из-за стойки появляется официант — немолодой, с усами, с лицом человека, который видел всё, но всё ещё умеет удивляться.

— Владимир Алексеевич, — говорит он. — Сегодня как?

— Сегодня — по-настоящему, — говорит Гиляровский. — С нами дорогие гости. Молодые, голодные, из будущего.

Петя глядит на гостей. Ничего не говорит. Только кивает: «Бывает».

Гиляровский усаживается. Достает карандаш и записную книжку, что-то чиркает. Затем — отдаёт Петру. Петя читает. Вскидывает бровь. Читает ещё раз.

— Владимир Алексеевич, вы уверены?

— Уверен.

— Тут... много.

— Знаю. Я и хочу много.

Петя вздыхает и уходит.

— Что вы заказали? — спрашивает Егор, заглядывая в блокнот.

— А вот сейчас узнаете, — говорит Гиляровский, потирая руки. — Обед должен быть *событием*, а не приёмом пищи. Иначе зачем вообще всё это?

Первый акт. Холодная белуга. Осетрина с хреном. Икра в большой хрустальной вазе. Расстегаи — горячие, из печи, на серебряных блюдах.

Лёха смотрит на стол и говорит тихо:

— Это же... это же просто первая подача?

— Правильно, — говорит Гиляровский. — Просто первая. Но не простая. Белуга — сегодняшняя. Икру взял прямо с ледника. Расстегаи — за полчаса до вашего прихода, чтобы вы ели их горячими.

Кот, сидящий рядом с Гиляровским на отдельном стуле, аккуратно берёт лапой кусочек осетрины. Ест. Жуёт. Молчит.

— Ну? — спрашивает Алиса.

— Мне нравится, — говорит Кот. — Это тревожит.

Второй акт. Раковый суп. Две тарелки на каждого. Селянка рыбная. Селянка из почек. Второй расстегай.

Суп розовый, душистый, густой. Селянка подана в маленькой керамической сковородке. Лёха пробует и закрывает глаза.

— Я не знал, что еда может быть такой.

— Это оттого, — говорит Гиляровский, — что вы никогда раньше не ели *по-настоящему*. Вы ели, чтобы наесться. А есть надо, чтобы запомнить.

Третий акт. Жареный поросёнок. Телятина. Что-то рыбное, завернутое в фольгу из оловянной бумаги. Овощи. Закуски. Грибы. Кислая капуста. Мочёные яблоки.

Лёха уже с трудом дышит. Соня деликатно откладывает вилку. Алиса держится, но видно, что с трудом. Егор что-то считает в блокноте — и подозрительно часто перелистывает страницы. Макс, как всегда, спокоен, но — тоже смахивает пот со лба.

И тут Гиляровский говорит:

— Ну а теперь — байдаковский.

Четвёртый акт. Вносят кулебяку. Огромную. Разрезают. Внутри — слои. Налимья печёнка. Костяные мозги в чёрном масле. Рис. Грибы. Лук. Ещё что-то. Ещё. Лёха считает — двенадцать ярусов. Пирог дымится, пахнет так, что даже Кот делает шаг назад.

— Это, — говорит Гиляровский, — самое важное. Попробуйте.

Пробуют все. И все — молчат. Потому что вкусно — это не слово для такого. Это — что-то другое.

Гиляровский откидывается в кресле и говорит:

— Ну, а теперь — рассказывайте. Откуда вы и зачем пришли.

Глава 4. Гиляровский за работой, или Какгибают подковы в хорошей компании

Они сидят в отдельном кабинете «Эрмитажа». Стол уже убран. Принесли чай — в самоваре, с огромным подносом, с сушками и вареньем. Гиляровский разливает по чашкам. Потом слушает.

Они рассказывают. Не всё — про кнопку Соня говорит уклончиво, «мы путешествуем», — но что-то про будущее, про общагу, про то, как читали «Москву и москвичей». Гиляровский слушает очень внимательно. Иногда записывает. Иногда останавливает.

Потом говорит:

— Значит, из будущего. Это я понимаю. Я всю жизнь так и живу — будто из будущего пришёл. Только часы у меня карманные, а не как у вас, на руках.

Лёха показывает ему телефон. Гиляровский смотрит на экран долго. Потом говорит:

— Удобная вещь. Жалко — не для меня. Я репортёр, я должен *видеть* руками, а не экраном. — Он возвращает телефон. — Ладно. Рассказывайте, чего вы хотите.

— Хотим посмотреть, как вы работаете, — говорит Алиса.

— Работу? Ну, работа простая. Пойдёмте.

И ведёт их — по улицам, по переулкам, по Хитровке, по трущобам, по трактирам, по рынкам. Идёт быстро, уверенно. По дороге сгибает пальцами ещё один пятак. Потом — разгибает подкову, найденную у кузницы. Потом — берёт с земли кочергу, завязывает её узлом, развязывает, отдаёт извозчику. Извозчик смотрит на него и говорит:

— Спасибо, Владимир Алексеевич.

— Всегда пожалуйста.

Потом — на площади — стоит с экипажем. Удерживает пролётку за заднее колесо — вместе с лошады — пока извозчик на минуту отходит за пирожком. Потом отпускает. Лошадь фыркает. Извозчик возвращается и говорит:

— Владимир Алексеевич, я знал, что вы удержите.

— Знал бы, не отходил бы, — говорит Гиляровский.

Они идут дальше. Кот идёт рядом с ним — спокойно, без фамильярности, но с явным уважением.

— Вы интересный человек, — говорит Кот.

— А вы, — говорит Гиляровский, — самый воспитанный кот, которого я видел. У вас есть чувство достоинства. Это редкость.

— Спасибо.

— И вы ели осетрину, как дворянин.

— Это была тренировка.

— Хорошая тренировка.

Вечером они возвращаются в «Эрмитаж». Гиляровский заказывает на третье — сковороду гурьевской каши. Каша — золотая, с орехами, с изюмом, с медом, с топлёным маслом. Её вносят на сковородке, ещё шипящую. Лёха пробует и говорит:

— Я не выживу.

— Выживете, — говорит Гиляровский. — Молодым — можно.

И, глядя на них всех — притихших, довольных, уставших, — говорит:

— Знаете, что я больше всего люблю в своей работе?

— Что? — спрашивает Соня.

— То, что за одним столом, за одним обедом, можно узнать человека. Вот сейчас я знаю про вас всё. Вы — настоящие. Вы пришли не отнять, а посмотреть. Вы ели честно. Это редкая публика.

Он наливает чай. И добавляет тихо:

— Приходите ещё. Байдаковский — не каждый день бывает.

Глава 5. «Я сыт, я счастлив, я снова хочувашего борща», или Прощание с дядей Гиляем

Ночь. Они стоят у входа «Эрмитажа». Народу почти нет. Фонари. Извозчики дремлют на козлах. Где-то далеко — гудок паровоза.

Гиляровский — с ними. В руках — трость. На лице — усталость человека, который за день согнул три пятака, развязал одну кочергу, удержал пролётку и рассказал сто историй.

— Завтра, — говорит он, — я еду в Орехово-Зуево. Там у меня дело. Вернусь — снова сядем. Но вы, как я понимаю, уже уходите.

— Да, — говорит Макс. — У нас время нерезиновое.

— Понимаю, — говорит Гиляровский. — У всех время нерезиновое, кроме нас, репортёров. У нас оно — тягучее, потому что мы в каждом дне живём дважды.

Он обнимает каждого. Крепко, по-настоящему, по-русски. Лёхе — чуть дольше, потому что Лёха был инициатором.

— Спасибо, — говорит Лёха. — Это лучший обед в моей жизни.

— Не в твоей, — говорит Гиляровский. — В нашей. Потому что обед — это не когда едят. Обед — это когда помнят.

Потом — опускается на корточки, чтобы быть на уровне Кота.

— Ну а вам, — говорит он, — отдельное спасибо.

— За что? — удивляется Кот.

— За то, что вы пришли. Я люблю котов. Кот — существо честное. Не ест, если не хочет. Не кланяется, если не надо. И если он остаётся — значит, ему действительно хорошо. А вы остались. Значит — хорошо.

— Хорошо, — говорит Кот. — Спасибо.

— Приезжайте зимой. Сварю кашу. Но у меня зимой работа — Хитровка. Так что — не обещаю тишины.

— Нам тишина и не нужна.

Они прощаются. Гиляровский смотрит им вслед. Мерцание. Шаг. И — кухня.

Обицага. Ночь. Чайник. Все сидят в разных позах — Лёха на стуле, Алиса на подоконнике, Соня на полу, Егор в кресле, Макс у стола. Все молчат.

Первым говорит Лёха:

— Слушайте. Я сыт. Я счастлив. И я снова хочу его борца.

— Какого борца? — спрашивает Соня.

— Того, который у него был в восьмом трактире. Помните, он говорил?

— Нет, не помню.

— Ну и ладно. Я запомню.

Алиса смотрит в окно.

— Знаете, что мне больше всего понравилось?

— Что?

— Он не спросил, действительно ли мы из будущего. Он просто принял это. Как будто мы пришли не из будущего, а из соседнего подъезда.

— Мне тоже, — говорит Егор. — Жить с ощущением, что любое чудо — просто часть жизни. Это дорогого стоит.

Кот сидит на холодильнике, свесив хвост, и говорит ровно:

— Я, пожалуй, скажу то, что должен сказать.

Все поворачиваются.

— Я был прав. Я знал, что это будет поучительно.

— Ты остался, — говорит Алиса. — Ты сам остался.

— Остался, — подтверждает Кот. — Но исключительно как наблюдатель.

— И осетрину ел? — спрашивает Лёха.

— Это была тренировка наблюдателя.

— Слушайте, — говорит Макс. — А ведь у него был ещё один адрес. Помните, он говорил про «Славянский базар»?

Все замолкают.

На краю стола уже стоит кнопка. Бронзовая, с гравировкой. Под ней табличка: «НЕ НАЖИМАТЬ. ДО ВТ»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.